

С. 3
В Свято-Филаретовском институте начался двадцать девятый учебный год
С традиционной открытой лекцией выступил Алексей Павлович Козырев, кандидат философских наук, заместитель декана по научной работе философского факультета МГУ. Тема лекции – «Я и Другой в русской религиозной философии»

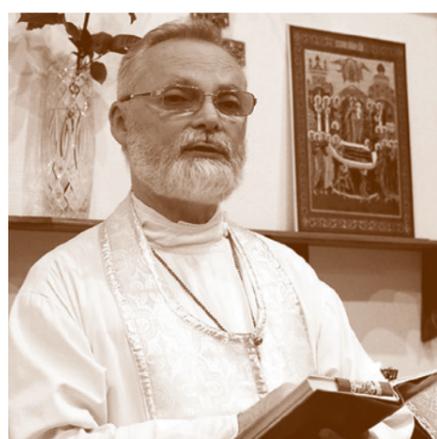
С. 5
О милосердной любви и милосердном отношении к ближнему
В нашей стране возникают хосписы – центры паллиативной медицины. Члены малого православного Свято-Марининского братства взяли интервью у одного из инициаторов создания хосписа в Твери – прот. Александра Шабанова

С. 7
Что было самым важным на фестивальных площадках «Преображенских встреч»
В прошлом номере мы рассказывали о Преображенском фестивале, уже второй год собирающем в Москве несколько тысяч людей. Сегодня мы даем слово участникам некоторых его тематических площадок

Приложение «Язык Церкви»
Сегодня в нашем приложении – размышления известного православного литургиста о переводе богослужения, рассказ о презентации первого полного перевода Библии на татарский язык, интервью председателя правления Института перевода Библии протоиерея Александра Троицкого и беседа с одним из участников фестивальной площадки «Литургическая жизнь Церкви»

Тема номера «Преображенские встречи»: продолжение темы

О трех образах надежды

С праздником, дорогие братья и сестры!
Хотелось бы немного поразмышлять с вами на темы, нам всем близкие. В первую очередь я имею в виду итоги Преображенского собора,

включавшего в себя фестиваль. Этот фестиваль, эти «Преображенские встречи», которые мы проводили нашим братством вместе со множеством гостей, был посвящен теме «Имеющие надежду». И, может быть, несколько слов мне удастся сказать о том, как эту надежду приобретать и укреплять.

Слава Богу, мы обратились к теме надежды – чуть ли не первый раз за всю историю существования нашего Преображенского братства и Свято-Филаретовского института. Тема надежды всегда была трудной, и мы с вами это хорошо помнили и знали, и понимали, что одной теорией здесь не обойдешься. Да, мы каждый раз стараемся делать какой-то существенный шаг для продвижения своего опыта в той области, к которой мы приковываем свое внимание, и открыть для себя хоть что-то новое по сравнению с тем, что мы ощущали, знали, понимали прежде. И в этот раз тоже случилось нечто подобное.

Проповедь священника Георгия Кочеткова

Для меня, например, было очень радостным, приятным открытием то, что надежда бывает двух родов. Прежде это как-то не собиралось воедино, в какой-то один образ, в целостность познания. Помните, мы говорили, что надежда – это прежде всего упование, это опора. И мы опираемся на Бога, опираемся на Церковь, на дары Духа Святого, друг на друга, на наших близких и еще на какие-то обетования Божьи. Мы знаем, что еще не пришло все, что Бог обещал явить в этом мире. И мы с вами говорили о том, что есть второй вид надежды, связанный именно с исполнением обетований. Мы надеемся на это исполнение, надеемся на Бога, надеемся на то, чего еще нет, чего мы еще не видим. И вот это понимание было для нас каким-то очень существенным шагом.

Но тема надежды оказалась еще глубже, еще интереснее. И мы об этом тоже много говорили: я надеюсь, что эти материалы удастся издать, и мы не потеряем того, что было сказано на нашем

фестивале. Хотелось бы, чтобы мы жили темой надежды и в будущем. Потому что надежда – это еще, оказывается, собирающее качество, собирающее свойство Церкви. Это то, что собирает – так же как и вера. Единоверные люди почему-то очень тянутся друг к другу, если они действительно верующие, если они не только по имени таковы. (Если же они только по имени таковы, то им, конечно, другой только мешает: мешает углубляться в себя, решать свои собственные проблемы – во всем мешает.)

Так же собирают Церковь любовь и свобода. Есть какие-то «предельные» качества, к которым мы с вами нет-нет да и возвращаемся, которые, оказывается, не просто обладают внутренней энергией, внутренней силой сами по себе, но еще и собирают воедино Божий мир и собирают Божий народ. Причем так, как Бог хочет его собрать, а не так, как часто проектируем это мы сами.

Окончание на с. 2

Мужество надежды

Интервью Ольги Александровны Седаковой к фестивалю «Преображенские встречи»

Ольга Александровна, мы очень рады и благодарны, что Вы согласились выступить на нашем фестивале, проходящем уже второй год под общим названием «Преображенские встречи». Тему его в этом году мы взяли из Первого послания апостола Павла к Фессалоникийцам – «имеющие надежду». Это, собственно, не прямая цитата. Апостол говорит о неимеющих надежду и именно поэтому безутешно скорбящих по умершим близким. Мы решили цитату чуть-чуть трансформировать, чтобы сказать об имеющих надежду – о тех, кто не поглощен печалью, несмотря ни на какие тяжелые обстоятельства. Но всегда встает вопрос – на что эта надежда, на кого? Когда мы смотрим вокруг себя, то видно, что люди, прежде

всего, не имеют надежды на Бога, надеются на вещи суетные, неверные, ложные. Или, наоборот, совсем отказываются от надежды, прикрываясь красивыми словами: «трезвость отчаяния» и что-то в этом роде. Что бы Вы могли сказать о возможности сочетания трезвого взгляда на мир с надеждой?

Мне пришлось в последние годы много думать о надежде в связи с занятиями Данте, другими своими занятиями, попыткой осмыслить культурную современность – не только нашу, но и мировую. Потому что отсутствие надежды – это знак нашего времени и в европейском мире, и здесь что-то случилось. То, о чем Вы сказали, – некий «философский бунт против надежды» – продолжается уже очень давно. Надежда понимается как малодушие: человек сам себя успокаивает, не хочет посмотреть в глаза правде. Об этом говорят такие прекрасные философы, как Мераб Мамардашвили: всякая философская мысль начинается со слов «оставь надежду». То есть с той надписи, которая у Данте – над адом: «Оставьте всякую надежду, вы, входящие».

Это, скорее, общий лозунг интеллектуальной эпохи. Что только так мы можем понять жизнь – если оставляем надежду. Естественно, никто из них не отдает себе отчета в том, что то, против чего они выступают – это не надежда, а иллюзия. Это совсем другая вещь: склонность человека к иллюзиям, и особенно человека не философского склада, простого, обычного человека, который любит себя утешать, любит придумывать иллюзорные упования, которые помогают ему выжить.

Окончание на с. 6

Маленькие «лампочки»

Интервью с Антуаном Нивьером, французским историком церкви и русской религиозной мысли

Этот год – канун 100-летия октябрьского переворота. Мы стараемся осмыслить причины того, что произошло, и понять, как это влияет на современное положение нашего народа, нашей страны. В связи с этим хотелось спросить Вас: что думали те люди, о которых Вы рассказывали в своем труде «Православные священнослужители, богословы, церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе», о причинах катастрофы 1917 года?

Всякие мнения были, всякие. Так что если читать воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), вы получите один ответ, в текстах матери Марии (Скобцовой) найдете другой. Если читать статьи и обращения иерархов Зарубежной (или Карловацкой) церкви, это будет еще одно, уже совсем иное видение. Вместо них ответить я не могу, лучше обращаться к сохранившимся документам.

Единственное, что мне хотелось бы здесь процитировать, – отрывок из проповеди о. Сергия Булгакова: «Мы никогда не возвратимся на родину в настоящем смысле этих слов. Те, которые возвратятся, будут и там «на земле чуждей».... Родина наша – святыня, место святого Града, создаваемого посреди стен Вавилона. Наш подвиг заключается в том, чтобы жить полнотой жизни русской и нашей веры и любви к Богу». То есть эти люди, лишившись земного

отечества, поняли, что истинное их отечество – это Отчий дом, Царство Небесное, которое здесь, на земле, уже осуществляется в Церкви Христовой и исполняется в Божественных таинствах и молитве. Они поняли, что православная вера не является какой-то «национальной религией» – русской или греческой – а вселенской, и говорит она не о каких-то нравственных или культурных ценностях или об умирительных обрядах и преданиях, а о сути познания Божьего и о жизни во Христе.

Говорят, будто есть пророчество подобного Серафима Саровского (может быть, это легенда) о крови, которая будет изливаться по всей территории Российской Империи, и о маленьких лампочках, светочах, которые вне России будут светить.

Окончание на с. 4

О трех образах надежды

Проповедь священника Георгия Кочеткова

Начало на с. 1

Так выстраиваются мистические границы Церкви, которые никогда не совпадают с каноническими и мистериальными её границами. Хотя мы, конечно, за то, чтобы все границы Церкви были как можно ближе друг к другу, в идеале – чтобы они существовали так, как это было в первоначальном христианстве, в некоем максимально возможном единстве. И нам очень трудно бывает в церковной жизни, когда мы встречаемся со случаями резкого расхождения этих границ.

Так вот надежда, так же как и вера, любовь, свобода, собирает Церковь. Это удивительное ее качество. Я, например, об этом раньше не знал, никогда даже не думал, что это может быть – что в надежде, не только в вере и доверии, не только в любви и свободе, а в самой надежде мы собираемся во Христе. Это действительно не просто энергия, направленная в эсхатологическое будущее, к вечности, но это то, что собирает людей здесь и сейчас. Нам ведь часто не хватает этой собирающей силы: часто – к сожалению, слишком часто! – превалируют силы центробежные. Мы часто видим в первую очередь то, что нас разделяет. Что я буду описывать это, вы все хорошо знаете, почему люди разделены: разделяет зло, разделяет грех и разделяют наши предрассудки, наше самомнение, наша самость, себялюбие, любовь к себе, по-гречески «филавтия». Этот грех многие святые отцы считали самым большим грехом, наряду с гордыней.

На то, что надежда может собирать, нам нужно больше опираться, больше это практиковать в жизни. Мы редко собираем со Христом и редко боремся со всем тем, что разделяет, разлучает. Мы редко при этом опираемся на надежду. Вот это соборное качество надежды – поразительно! Если мы опираемся на Христа в своей жизни – у нас одна Опора, одно Упование, – то у нас рождается удивительное чувство общности, так же как и в тех случаях, когда мы надеемся на обетования Божьи, которые должны сбыться, хотя этого еще пока, может быть, и не видно в жизни.

Было бы очень интересно, если бы мы с вами как-то активнее реагировали на то, что нам открывает Бог. Я читал публикации, смотрел посты в Фейсбуке о нашем фестивале и увидел, что живых слов в них сказано очень немного. Очень мало живого, хотя фестиваль был настолько живым! Он был интересен не какими-то отдельными номерами или отдельными высказываниями, он был необыкновенно интересен этой своей внутренней жизнью, этим внутренним светом, этим явлением надежды, которая воссияла как свет – я надеюсь, для всех нас.

А почему мы не приносим плодов? Почему мы не хотим этим сокровищем, этим откровением поделиться с другими? Ведь люди не знают, что такое надежда. Я знал людей, которые вообще считали, что надежда – это удел глупцов, это нечто недостойное приличного человека, то на что надеются только дураки. «В жизни не надо ни на что и ни на кого надеяться, – говорили они. – Надо все добывать своими руками, без всяких надежд. Будешь трудиться, и у тебя будет все». Были и другие варианты таких «увещаний».

Но тайну надежды действительно забыли – мы несколько раз об этом вспоминали на фестивале. Эта тайна забыта больше, чем другие тайны Божьи, тайны

божественной жизни и церковной жизни. Да, в триаде, которую обозначил апостол Павел, «Вера – Надежда – Любовь», Любовь больше, потому что она пребывает вечно. А вера и надежда исполнятся, и тогда в них уже надобности не будет. Но в их собирающей энергии нужда будет всегда, даже в Царствии Небесном – там, где надежда исполняется и вера исполняется в том, что мы уже будем созерцать и воспринимать сердцем во Христе и через Христа прямо перед лицом Божиим.

Очень хотелось бы, чтобы мы не боялись думать о таких вещах, чтобы мы не боялись делиться ими. Даже если мы в чем-то немного ошибемся, это не так страшно. Когда человек хочет что-то познать, он сам себя исправляет в случае ошибок, и рад этому исправлению. Но мне кажется, что как мы должны делиться своей верой со всеми, кто нас окружает, приносить свидетельство жизни, исполняя Великое поручение Господа, так же мы должны делиться и любовью, и надеждой. Для людей безнадежных часто это бывает буквально свет в очах.

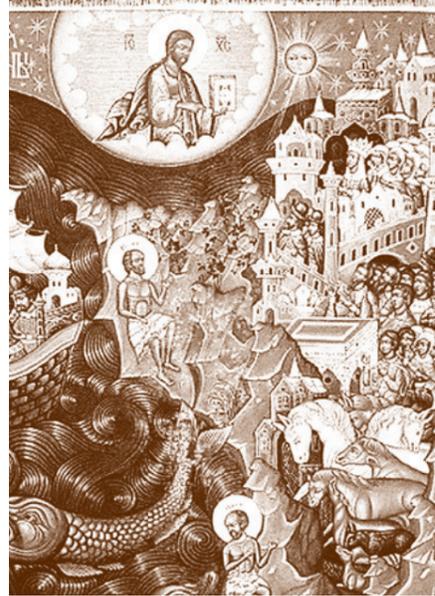
Недавно я думал о том, что нас укрепляет в надежде. Что бы я назвал в первую очередь? Еще 1 сентября я говорил здесь о том, что Господь всем Своим ученикам, которых Он призвал к Себе, в первую очередь сказал: «Покайтесь и веруйте в Благовестие». Мне кажется, что покаяние имеет прямое отношение к надежде. Человек нераскаянный меньше всего имеет шансов надеяться на что-то доброе, на Бога и на ближнего.

Часто наше покаяние поверхностно и затрагивает только самые-самые примитивные стороны нашей жизни, самые элементарные, и редко оно идет вглубь, редко исправляет само наше сердце, сам наш разум, нашу жизнь, личную и соборную. И думается мне, что для обретения надежды, для укрепления в надежде, надо углубить свое покаяние, взять на себя ответственность «за всех и за всё». Когда человек приносит покаяние, он не показывает пальцем на других. Пока он показывает пальцем или взглядом на кого-то, осуждая его, он не кается. В исторической церкви очень много, иногда слишком много, говорилось о покаянии. Некоторые даже считают, что единственное, что надо делать церковному народу, – это каяться, больше ничего и не надо. Вот покайтесь, кайтесь, кайтесь, вы все грешники, и кричите «Господи, помилуй», и больше ничего не делайте. На этом даже выстроен большой пласт нашей богослужебной культуры. Это, конечно, была некоторая крайность, некоторое оскудение духа, односторонность, что, я думаю, понятно всем. Тем более что покаяние имелось в виду сугубо индивидуальное. Когда человек восклицал «Господи, помилуй», он имел в виду лишь собственное покаяние и то милосердие, которое Бог должен проявить именно к этому конкретному человеку. Это прекрасно выражается в классическом тексте Иисусовой молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного». Многих современных людей, особенно выросших не в церковной среде, поначалу это очень удивляет и даже шокирует: «Ну почему уж так, только меня-то? Неужели дальше своего носа нельзя посмотреть?» Потом обычно люди смиряются с этим, привыкают и перестают это чувствовать – вот этот свой первый импульс, это первое свидетельство совести и духа.

В историческом христианстве было

много именно индивидуального покаяния, но его необходимо восполнить покаянием личностно-соборным. Без этого покаяние полным не будет, а значит и прощение свыше полным не будет. Надо знать, что кроме покаянной молитвы есть и другие типы молитв: надо уметь благодарить Бога и жить благодарением, славословить имя Божие и жить в этой славе, надо уметь и просить. Но и каяться надо уметь не только за себя. Я уже немало упоминал об этом в прежних своих словах, но мне хочется еще раз к этому вернуться. Потому что, хотя мы признаем это, с некоторым трудом начали видеть это и чувствовать, но видно, что пока это еще только начало, еще не то, что перерастает в нашу повседневную жизнь, не то, что наполняет наше сердце.

Мы можем признать необходимость и возможность соборной покаянной молитвы, вплоть до покаяния всего народа, прежде всего за преступления советского режима, в отношении всех людей нашей страны. Хотя не только. Много было разных преступлений в XX веке, но это самое большое и поэтому самое страшное. Это такое преступление, которого свет не видывал. И история человечества не знает больших преступлений. Поэтому в этом надо обязательно каяться всем и всерьез. Но и к этому тоже надо готовиться. Это покаяние будет действенным только тогда, когда станет действенной наша надежда. Если мы захотим каяться за всё прошедшее столетие, выделяя его из всей человеческой истории, на что мы, безусловно, имеем полное право, то мы

Фрагмент современной иконы пророка Ионы с житием

должны это делать в надежде – в надежде на возрождение церкви, на возрождение каждого человека, в ком не истреблен до сих пор образ Божий. Ведь человека можно назвать живой иконой Бога, в каком бы ужасающем состоянии эта икона сейчас ни находилась. Иногда трудно соединить образ конкретного человека, которого ты перед собой видишь, с каким-либо Божьим образом, даже только лишь с его чертами. И, тем не менее, надо навыкнуться это делать. У нас с вами другого пути нет, у нас должна быть надежда на Бога и на восстановление человека, на то, что люди усвоят дары божественной Любви, Христовой Любви. И уже эта Христова Любовь приведет к своим последствиям. Она является великой организующей силой,

и в нашем абсолютно атомизированном, хаотизированном мире может возникнуть какой-то порядок, может вернуться на нашу землю красота, которая ушла с нее в 1917 году. По свидетельству очевидцев того времени первое, что увидели люди в России после переворота октября 1917 года, – что от России отошла красота. Они еще не знали, что отошла не только красота, но и доброта, и правда, и жажда справедливости, и милосердие, и многое, многое еще. Но красота ушла сразу. А ее было много в нашей стране в начале XX века – вряд ли это надо доказывать кому-либо из вас.

Может ли этот дар вернуться? Тяжелый вопрос. Неимоверно тяжелый. Нужно быть почти что пророком, чтобы сказать что-то определенное, отвечая на такие вопросы. Сейчас красоты нет. Она иногда каким-то отсветом напоминает о себе, прежде всего в человеческих лицах, особенно тех лицах, на которые снисходит благодать, но это отсвет. Чтобы красота вернулась, должна возродиться какая-то концентрация этого качества в нашем народе, в нашем обществе, в нашей культуре, в нашей природе, в наших лесах, реках, озерах – во всем том, что было так испоганено в последнее столетие.

Вот чтобы вернулась красота, нужно покаяние и нужна надежда. И мне кажется, что если бы от нас хоть что-нибудь зависело в нашей стране, надо было бы объявить этот оставшийся год перед празднованием столетия известных событий Годом покаяния всего народа (вспомните, как однажды Господь послал пророка Иону в Ниневию, языческий город, чтобы там все покалялись от царя до скота – как бы мы ни понимали последние слова). Годом покаяния и годом надежды, которая всегда – так уж парадоксально случается в человеческой истории – может воссиять лишь там, где как раз надежды нет. Когда меньше всего надежд, когда больше всего безверия и безнадежности, именно тогда может явиться самое высшее и лучшее – может явиться надежда и даже в какой-то степени ее осуществление. Без покаяния это произойти не может. Здесь не может быть двух мнений. Но повторяю: и без надежды покаяние произойти не может! И мне очень хотелось бы сегодня связать эти две вещи, развивая тему надежды. Потому что это касается нас сегодняшних, независимо от возраста, пола и всех-всех иных человеческих различий.

Будем, дорогие братья и сестры, не просто думать об этом. Я думаю, что пришла пора действовать – осуществлять это покаяние, от индивидуального до общецерковного и национального масштаба, и осуществлять нашу надежду. Она должна проявиться в нас, хотя пока только наш фестиваль вдруг неожиданно выявил потенциал надежды, имеющийся в современных людях. Но фестиваль прошел, и я начал свое слово с сожаления о том, что создается впечатление, что он как будто сразу забылся, что страница перевернулась, и мы занимаемся уже другими делами; у нас много дел, нам есть о чем думать, о ком заботиться, о чем переживать. Но в заключение скажу еще и еще раз: именно от такого покаяния и такой надежды, о которой мы сейчас говорим, будет зависеть и наше настоящее, и наше будущее. Если мы окажемся здесь недостойными и слабыми, ничемными и бесплодными, то этого будущего может и не быть!

Аминь.

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Борк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 10 сентября 2016 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 12 сентября 2016 г.

gazetakifa.ru

Православное образование

В Свято-Филаретовском институте начался 29-й учебный год

После праздничного молебна в Свято-Филаретовской часовне ректор профессор священник Георгий Кочетков поприветствовал преподавателей, сотрудников, студентов и гостей Института и поздравил всех, кто поступил на первый курс. «Я очень рад тому, что несмотря на все перипетии нашей истории Институт продолжает существовать, развиваться, набирать студентов, – сказал в своем приветствии ректор. – Наш вуз небольшой, и мы не стремимся быть какими-то гигантами, нам по-прежнему, как и когда-то в самом начале нашего существования, важнее качество, чем количество, важна возможность общаться лично с каждым из студентов, со всеми преподавателями, профессорами, сотрудниками нашего института».

На бакалавриат богословского факультета СФИ поступили 52 человека, и 16 студентов начнут обучение в магистратуре по теологии. На различные образовательные программы факультета религиоведения поступили 19 человек (прием документов продолжается). В Богословский колледж на очную форму обучения поступили более 40 человек, вступительные экзамены на заочном отделении пройдут в сентябре.

С началом учебного года всех собравшихся поздравил первый проректор СФИ Дмитрий Гасак. «Спор между мудростью века сего и мудростью, нисходящей свыше, кажется вечным, – сказал он в проповеди на апостольское чтение (Иак 3:13–18). – Это спор между Разумом, который свыше, и разумом, который больше руководим житейским опытом, чем различением добра и зла. В Евангелии нам открывается единственный путь различения мудрости, нисходящей свыше: она узнается по духу и по плодам. И, может быть, этому различению в первую очередь должен научиться человек, который хочет заниматься богопознанием».

С традиционной открытой лекцией на начало учебного года выступил Алексей Козырев, кандидат фило-

софских наук, заместитель декана по научной работе философского факультета МГУ, доцент кафедры истории русской философии. Тема лекции – «Я и Другой в русской религиозной философии» (так называется спецкурс Алексея Павловича на философском факультете МГУ). Он показал, как проблема Другого, центральная проблема европейской философии XX века, связанная с именами Мартина Бубера, Жана Поля Сартра, Жюль Делёза, Мишеля Фуко, Эдмунда Гуссерля, раскрывалась в мысли русских философов – Владимира Соловьева, Василия Розанова, Вячеслава Иванова и других. Видео-запись лекции будет опубликована на сайте Института.

Отец Георгий поблагодарил Алексея Павловича за вдохновляющий доклад, назвав его «антропологическим». «Думаю, что Вы очень заинтересовали всех здесь присутствующих проблемами антропологии, и всем захочется заниматься этой исключительно христианской тематикой. Именно это и должны делать христианские высшие учебные заведения, – сказал отец Георгий. – Наверное, проходит время старого членения: богословие, философия, этика, эстетика... сейчас требуется что-то другое, какие-то другие синтезы, другие взгляды, другие основания. И в этом смысле христианская антропология – может быть, самое “горячее” и перспективное, жизненно важное и интересное, и для нас большая радость, что Вы сегодня с такой интонацией начали учебный год в нашем институте!»

В ответ Алексей Павлович поблагодарил за приглашение прочитать лекцию в СФИ. «Я всегда помню о том, что здесь преподавал Сергей Сергеевич Аверинцев, замечательный христианский поэт, переводчик, мыслитель, философ, которого я считаю своим учителем, – сказал он. – И ваш институт, так же как и наш факультет, теснейшим образом связан с его именем, поэтому я чту вашу память о нем и то, что вы читаете Евангелие в его переводе, вспоминаете о его творческом

На открытии 29-го учебного года в СФИ с открытой лекцией выступил заместитель декана по научной работе философского факультета МГУ Алексей Павлович Козырев

наследия, распространяете его книги среди студентов. Всякий университет силен именно своим преданием, и в Свято-Филаретовском университете, несмотря на то, что по времени он существует меньше, чем Московский университет, уже есть замечательное предание, на котором можно продолжать строить и науку, и духовную жизнь».

Софья Андросенко
Фото: Александр Волков, Кирилл Мозгов
Сайт Свято-Филаретовского института

Школа не должна быть закрыта для передачи знаний о религии

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл призвал к преодолению кризиса гуманитарного образования

«Школа не может быть инструментом принудительной миссии со стороны какой бы то ни было религиозной традиции, но и не должна она быть закрыта для передачи знаний о религии», – заявил патриарх на заседании Высшего церковного совета.

По его словам, без таких знаний «Троица» Андрея Рублева будет малоопытным символическим изображением, которое для очень многих созерцателей этого произведения будет лишена всякого смысла, как и любая другая икона.

«Ведь, казалось бы, сколько написано об иконе замечательных научных книг, как много говорится о важности иконографии в истории искусства! Но по-прежнему многие люди не понимают иконы, а не понимают потому, что нет

элементарных знаний, которые бы вводили человека в ту сферу бытия, которая в том числе отражается через иконопись», – сказал патриарх.

Как отметил он, то же можно сказать о «Давиде» Микеланджело и о недавних спорах, «совершенно странных для достаточно просвещенного культурного общества».

По убеждению председателя, все, что касается религии, является составной частью общегуманитарных знаний, «без которых не может быть образованного человека».

«Вопрос развития отечественного образования касается всех – верующих, неверующих в равной мере, если мы хотим видеть в молодежи не неучей, накаченных идеологическими постулатами того или иного толка, не иванов, не помнящих

родства, а людей, способных трезво и научно рассуждать о литературе, истории, философии, религии», – подчеркнул он.

Патриарх заявил, что сегодня всеми возможными силами нужно «содействовать преодолению кризиса гуманитарного знания в нашем обществе и участвовать в разрешении проблем, имеющих в сфере образования».

Он напомнил, что недавно по предложению президента Владимира Путина возглавил Общество русской словесности, которое, как убежден патриарх, «может содействовать преодолению кризисных явлений как в культуре, так и в отечественной школе, особенно в области преподавания русского языка и русской литературы».

Интерфакс-религия

В Общецерковной аспирантуре состоялась встреча с митрополитом Диоклийским Каллистом (Уэром)

27 августа в актовом зале Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия состоялась встреча с иерархом Константинопольской Православной Церкви митрополитом Диоклийским Каллистом (Уэром).

Митрополит Диоклийский Каллист (Уэр) – профессор богословия Оксфордского университета, председатель смешанной комиссии по православно-англиканскому диалогу, глава совета директоров Института православных христианских исследований в Кембридже и почетный доктор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия.

Владыка Каллист ответил на многочисленные вопросы слушателей. В частности, он рассказал о своем пути к Богу, и почему его, родившегося в протестантской стране, привлекло Православие. «Я был воспитан как англиканин, и мое знакомство с Православной Церковью произошло, когда мне было 17 лет, – поделился воспоминанием

иерарх. – Благодаря Божественному промыслу я оказался в православном соборе в Лондоне. Я зашел в храм и попал на вечернее субботнее богослужение».

По словам митрополита Каллиста, он осознал, что прихожане, молившиеся в храме за богослужением, участвовали в гораздо большем действии, чем могло показаться на первый взгляд.

«Я понял, что на самом деле церковь полна невидимых молитвенников, осознал, что здесь невидимо присутствуют ангелы, святые и, разумеется, Сам Христос. Было ощущение, что это Небесная Церковь на земле. Я понял, что вернулся домой и именно здесь я должен быть», – сказал владыка.

В ходе встречи, которая прошла в теплой дружественной атмосфере, были затронуты темы богословского и философского характера, в частности, о напряженных дискуссиях относительно того, является ли теология научной дисциплиной, о богодухновенности Священного Писания, о переводе богослужебных текстов, о диспуте по поводу

наличия принципа «согласия отцов» (Consensus patrum) в Православной Церкви.

Также был затронут широкий спектр вопросов, связанных с жизнью христианина в современном мире. Митрополит Каллист подробно ответил на вопросы слушателей, дав на каждый из них глубокий, обстоятельный ответ.

Патриархия.ru

Комментарий участника встречи студента СФИ Александра Тавризяна

Отвечая на вопрос о переводах богослужебных текстов, митрополит Каллист сказал, что он уже достаточно много их перевел. Сейчас его забота – это перевод Добротолюбия. В этой работе вместе с ним участвуют его друзья. Переведено 4 тома из 8, и впереди еще много работы.

Также мне запомнился его очень личный ответ на вопрос о том, бывают ли у него колебания в вере. Владыка ответил, что, может быть, и есть люди, у которых всю жизнь сохраняется

детская вера и они никогда ни в чем не сомневаются, но он не такой, потому что вера – это всегда выбор. Владыка признался, что ему в борьбе с такими колебаниями помогает служение. Он служит литургию, принимает исповеди, делает другие вещи – и колебания проходят. Вера всегда требует некоего скачка, движения вперед, без которого такие колебания невозможно преодолеть.

Маленькие «лампочки»

Начало на с. 1

В своих проповедях мой отец это часто цитировал. Он говорил, что эти лампочки – мы, все маленькие церквушки русской эмиграции, которые принесли православие как свидетельство западному миру. Вот эти русские изгнанники познакомили с православием западных людей, некоторые из них даже стали православными и внесли свою лепту в созидание православной Церкви здесь, на Западе.

Говорят, пути Господни неисповедимы. Конечно, все, что происходит сейчас, – это прямое последствие событий, которые начались сто лет назад. Это очень глубокий вопрос. История развивается еще и сейчас, да и процесс исторического развития русского общества не окончен. Русская революция в 1917 году отчасти произошла из-за духовного упадка, который создавался в том числе и союзом между государством и церковью. Как ни странно, сейчас в России восстанавливается то же самое, будто уроки прошлого не учтены. К чему все это идет, не знаю. Вдруг через 30–40 лет это обернется тем, что русское общество снова пойдет в обратную сторону, как после революций начала XX века? И опять пойдут гонения, закрытие церквей, просто обмирщение, как у нас здесь на Западе. Но, как известно, в России ничего спокойного не бывает, это экстремальные варианты, так что, скорее, возможен самый худший вариант – не спокойное обмирщение, а более жестокое. Конечно, я не пророк, а историк, но опасаясь именно такого развития событий.

Из воспоминаний протопресвитера Александра Шмемана известно, что в течение многих лет молодежь эмиграции готовилась к тому, чтобы вернуться в Россию, чтобы служить ей. Стояло ли за этим определенное конкретное представление о том, как можно исцелить то духовное разрушение, которое принесли годы советской власти, и насколько масштабы этого разрушения были видны в Париже, Берлине, Праге, Белграде в 1950-е годы? Было ли понимание, что требуется исцеление человека?

Конечно, было. Один из тех, кто занимался этими проблемами в 1930-х годах, – Иван Аркадьевич Лаговский¹. Он писал в журнале «Вестник РХД» статьи о духовном состоянии общества в советской России. Он отлично все понимал. Не случайно он потом попал в застенки чекистов и погиб в Ленинграде (кстати, три года назад он был причислен к лику святых мучеников решением Священного Синода КП по просьбе Эстонской автономной церкви). Значит, понимать понимали. Не все, конечно. Например, в так называемой Зарубежной (Карловацкой) церкви это меньше понимали, потому что смотрели прежде всего в прошлое.

Что касается служения эмигрантов в России, то была одна настоящая попытка на месте: это небезызвестная Псковская миссия. Многие участники этого доброго начинания – бывшие студенты Свято-Сергиевского богословского института в Париже, главным образом выходцы из Прибалтики. Они были рядом и живее ощущали необходимость проповеди, когда в 1942 году понадобились священники, богословы для служения в областях, оккупированных немцами. И многие ответили на пастырский призыв и поехали туда служить, крестить, просвещать... По разным причинам это миссионерское дело не развивалось полностью, немцы на это неблагоприятно смотрели. А в послевоенное время практически все сотрудники Миссии оказались в советских лагерях...

А в 1950-е годы молодежь на Западе уже не смотрела в сторону России?

Приходы Зарубежной церкви в это время пришли в упадок после отъезда многих перемещенных лиц из Восточной Европы (т. н. ди.пи.²) в Америку, а в Архиерейской комиссии скорее думали о создании местной церкви здесь, в Западной Европе, были даже официальные обращения со стороны митрополита Владимира (Тихоничского), создавались французские приходы и т. д. Это естественно. Первое поколение русской эмиграции, это были уже пожилые люди, они думали о том, кому вручить свои храмы. Они боялись, что после них уже никого не будет. Их дети и внуки уже переходили на французский язык просто потому, что церковнославянский не понимали и мало кто говорил на русском. В Париже это еще не так было заметно, это культурный, интеллектуальный город, а вот в провинции дело другое...

Я помню, у меня на факультете несколько лет назад училась студентка по фамилии Горбачева. Я ее спросил: «Интересно, Вы русского происхождения?» – «Да. Мой дедушка – эмигрант, сражался в Белой армии, но он никогда не говорил с нами по-русски, ничего не рассказывал о своем прошлом. Мы нашли какие-то бумаги на русском, а прочитать их не можем – поэтому я и стала

учиться русскому языку». Так что в провинции русская культура совсем исчезла... Потомки эмигрантов французские и почти ничего не помнят.

Правда, в маленьких образованных (и светски, и религиозно) кругах вокруг некоторых храмов или вокруг некоторых учреждений, молодежных организаций все это, конечно, живо хранилось и передавалось. Но этих людей, этих кругов было очень мало.

Так что это был большой вопрос – кому передать духовное наследие. В 1950-е годы нельзя было и подумать, что через сорок лет рухнет Советский Союз, что появится новая волна эмигрантов, хотя и не совсем русских (больше всего это украинцы и молдаване). К слову, если взять цифры русской эмиграции во Франции в первой половине XX века, то говорят о 100 тысячах человек или больше. В то же время за последние 50 лет во Францию приехало 1.5 млн рабочих из Северной Африки. Из русских же не приехало почти никого.

Не могли бы Вы рассказать о том, как богословские, церковные издания переправлялись в Советский Союз в 1970–1980-е?

Это было огромное дело, организованное издательством ИМКА-Пресс и специальным отделом РСХД (Русского христианского студенческого движения) здесь в Париже. Руководил им в те годы ныне покойный Кирилл Александрович Ельчанинов, сын замечательно-го, слишком рано умершего священника, о. Александра Ельчанинова. Отец Александр был участником религиозного возрождения начала XX века, другом о. Павла Флоренского, о. Сергея Булгакова, Н.А. Бердяева. Кирилл Александрович учился в Свято-Сергиевском богословском институте, потом преподавал здесь философию и был одним из руководителей РСХД.

В начале 1960-х годов он организовал при РСХД специальный отдел под названием «Фонд помощи верующим в России». И этот фонд имел три главных направления деятельности. С одной стороны – благотворительность. Они собирали деньги, на эти деньги покупали лекарства, одежду и все это разными путями посылали в Россию для нуждающихся, особенно для известных на Западе людей, которые страдали от притеснений после их официальных или полуофициальных выступлений против совершавшихся в те годы преступлений, в том числе против гонений на верующих.

С другой стороны, этот фонд разными тайными или полутайными каналами посылал в Россию духовную литературу – в широком смысле слова духовную. Среди этих книг были те, которые сейчас в России все читают свободно, но тогда они были недоступны, запрещены: Михаил Булгаков, некоторые труды Достоевского и Гоголя. И, конечно, богословские и духовные книги, произведения известных профессоров Свято-Сергиевского богословского Института в Париже, последних представителей духовного и религиозного ренессанса начала XX века в Москве и Петербурге. Это был огромный труд, за участие в котором в России тогда могли попасть в тюрьму.

Третьей стороной деятельности было распространение в западном обществе – в христианских кругах, католических и протестантских, и даже шире – информации о том, что происходит в России с церковью, с верующими, которых преследуют. Это объединяло неравнодушных людей из разных юрисдикций здесь, на Западе. Были также благотворительные концерты наших церковных хоров, публичные доклады, во время которых собирали деньги для этой благотворительной деятельности.

Архиепископ Антоний (Бартошевич) (1910–1993)

Интервью с Антуаном Нивьером, французским историком церкви и русской религиозной мысли

нять верную информацию о том, что происходит в России.

Не могли бы Вы рассказать о судьбе журнала SOP? Мы всегда ценили его способность откликаться на острые церковные и общественные вопросы, на вызовы времени...

Наш бюллетень был основан о. Михаилом Евдокимовым и Иваном Александровичем Чеканом почти сорок лет назад, в 1977 году. К сожалению, три года назад он закрылся за отсутствием средств, а более всего – человеческих сил. У меня есть полный комплект его номеров. И если внимательно просмотреть этот комплект, можно увидеть, что в течение всего периода жизни нашего издания мы освещали все значительные явления церковной и светской жизни, в том числе кризисы и проблемы. Свое мнение по этим вопросам высказывали известные православные богословы – о. Иоанн Мейендорф, о. Борис Бобринский, о. Николай Лосский, о. Кирилл Аргентис, епископ Стефан (Хараламбидис) (ныне митрополит в Эстонии), профессор Оливье Клеман, Никита Алексеевич Струве. Но со временем одни умерли, другие постарели.

Сегодня трудно найти среди православных богословов на Западе людей, которые готовы были бы реагировать на злободневные церковные и общественные вопросы. И в этом вызов для нас.

Многие люди, когда пришлось закрыть наш бюллетень, говорили, что им очень жаль... Но для того, чтобы журнал продолжал выходить, мне надо было постоянно сидеть у себя в кабинете и каждый месяц писать 38 страниц: половина материалов – информация, другая – отредактированные интервью и статьи. При этом мы не писали о духовной жизни в египетских пустынях в IV веке, например, хотя и это тоже интересно и, несомненно, душеполезно. Но это не интересует широкого читателя: нашего современника волнует проблема ответа церкви на вызовы общественной жизни XX–XXI века. Толковых богословов, которые могут об этом говорить, практически не осталось. А ведь журнал надо каждый месяц действительно «родить», я же еще и профессор университета, у меня церковный приход, семья. Когда журнал закрывался, я был еще и членом епархиального совета, и те «неприятности», мягко говоря, которые тогда в 2000-е гг. (в разгар судебного дела по владению Св.-Николаевским собором в Ницце) делали Экзархату некоторые «друзья» и «братья во Христе», отнимали так много времени и душевных сил, что я сказал: «Я больше не могу. Пусть кто-то другой продолжит».

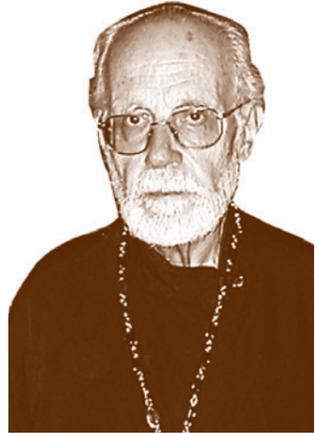
Надо иметь в виду, что в Москве сегодня развивается разнообразная православная деятельность всякого толка, хорошо ли, худо ли – это другой вопрос. Но есть люди, и есть силы – человеческие и материальные. А мы здесь скорее в таком же положении, как те, кто занимался церковным самиздатом в Москве в 1960-х годах – кроме преследования, конечно, у нас полная свобода, но и без поддержки.

Есть еще один важный аспект, и я думаю, что в России происходит то же самое. В наши дни издавать регулярный бумажный бюллетень стоит больших денег. Появилась конкуренция с интернетом: все новости люди теперь смотрят в интернете, у газет есть свои сайты, да и просто-напросто люди общаются между собой в сети, есть многочисленные личные страницы, распространяющие информацию. Эта информация бывает и правильной, и неправильной, но люди все равно принимают ее как достоверную, поскольку «это написано». Так что уже не то чтобы больше не было надобности в «SOPe», но многие читатели перестали покупать бумажную версию, и конечно, это отражалось на материальном состоянии журнала. Мы могли бы, конечно, как-то измениться, но для этого нужны были новые люди, потому что «не влевают молодое вино в старые мехи». И мы не нашли тех, кто готов был бы продолжать это дело в новой форме.

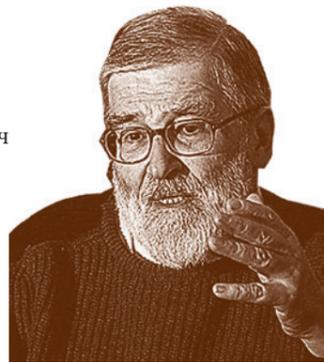
Это действительно жаль, ведь та информация, которую давал наш бюллетень, была исключительна, это было церковное освещение событий во Франции, в Европе и во всем мире вообще. С критическим взглядом, но не пристрастным, не критиканским (в роде «у нас, у православных, все хорошо, это только у других все плохо»), а ответственным, нейтральным, и главное – воцерковленным.

Беседовала Ольга Залищанская

¹ Об И.А. Лаговском и о его канонизации рассказывается в материале «Память о нем сохранилась в Движении», «Кифа» №11(149), сентябрь 2012 года.
² Displaced Persons, сокр. DP.

Протоиерей Михаил Евдокимов

И.А. Чекан

И.А. Лаговский (1889–1941)

«Кифа» обратилась к участникам обсуждения на фестивальной площадке «Преображенских встреч», посвященной милосердию, с вопросом: «Что Вам показалось важным во время этого разговора?»

Олег Ермолаев, ведущий фестивальной площадки «Милосердие»: Важно было то, что те, кто участвовал в нашей площадке, были настоящими профессионалами в хорошем смысле слова, это те, кому не все равно, как живет человек, кто не равнодушен к его боли, страданию, одиночеству. Зацепило и то, что все участники хотели встретиться на этой площадке. Потому что, как говорили некоторые участники, таких возможностей у них немного. В основном организуются встречи по методикам оказания помощи. У нас же затрагивались вопросы, касающиеся сути жизни человека, его призвания, его достоинства. Как для человека, которому оказывается помощь, так и для тех, кто оказывает эту помощь.

Ведь очень важно помочь человеку стать хоть немного самостоятельным, умеющим помогать и сострадать другим.

Были интересные доклады, дискус-

сии, замечательные вопросы и ответы. Все отмечали, что было настоящее общение, взаимопроникновение в то, чем каждый занимается. Говорили и о том, что надежда помогает любить и верить: человеку, этому миру, обществу можно помогать стать такими, какими их видит Бог. Удалось найти слова, которые помогли сказать о Христе как Спасителе. При этом не обидев тех, кто был из нерелигиозных организаций.

Алексей Варсопко, Санкт-Петербург, координатор «Ночлежки»: Было интересно и полезно. И множество поводов для размышлений.

Не ожидал увидеть такое большое количество слушателей – надеюсь, им было интересно. Я готовился к узкому кругу специалистов. А присутствующим, наверное, было бы важнее узнать про то, как они сами могут организовать формы помощи и какими они могут быть.

Сильной, на мой взгляд, была секция про работу с зависимыми. С одной стороны, выступающие продемонстрировали, насколько их подходы далеки от обывательских представлений, то есть насколько эта работа специфическая, достаточно глубоко разработанная и каких серьезных ресурсов требует; с другой – показала, что может сделать, так сказать, простой человек, не специалист, чтобы помочь людям...

Елена-Милена Королева: Я была только на первой половине площадки. «зацепили», как всегда, личные свидетельства (рассказ Анни Бижонно о своей жизни, глаза ее сына на фотографии).

Во время подготовки фестивальной площадки члены тверского малого православного Свято-Мариинского братства в связи с открытием хосписа в Твери взяли интервью у одного из инициаторов этого проекта о. Александра Шабанова.

Мы знаем, что Вы много лет служите волонтером в первом московском хосписе им. В.В. Миллиончиковой. Как Вам кажется, что для нас, церковных людей, важно в процессе возникновения хосписов в разных городах страны? О чем здесь стоило бы заботиться, может быть, молиться?

Важно, что, слава Богу, они возникают в нашей стране, и не только взрослые, но и детские. О чем нужно молиться? Молиться всегда нужно о людях, которые двигают это дело. Например, о Нюте Федермессер (дочери Веры Васильевны Миллиончиковой, которая сдвинула «глыбу» открытия центра паллиативной помощи в Москве), чтобы Господь дал ей силы и соратников для продолжения этого дела, а также послал хорошего священника (и может быть, не одного) для окормления больных в центре (а это 6-ти этажное здание!). Они сейчас как раз в этом очень нуждаются.

О милосердной любви и милосердном отношении к ближнему

Интервью с протоиереем Александром Шабановым

Фредерика де Граф, доброволец Первого Московского хосписа имени Веры Миллиончиковой, и протоиерей Александр Шабанов во время встречи в Твери, посвященной опыту паллиативной медицины. 8 апреля 2016 года

Отец Александр, Вы являетесь руководителем создаваемого и уже действующего хосписа. Что побудило Вас взять на себя ответственность за открытие хосписа в Твери? Чего Вы ожидаете от этого события? Какие надежды возлагаете на общество и на церковь?

У меня была своя история, связанная с внезапной потерей близкого человека, и сложился свой священный и личный опыт. В начале 2014 года, когда уже действовал Закон об оказании медицинской паллиативной помощи, я задался вопросом: почему в Твери нет хосписа, а в Санкт-Петербурге, Москве, Пскове, Самаре они уже давно открыты? И понял, что за продвижением такого рода проектов стояли не чиновники. В Санкт-Петербурге это были Дмитрий Сергеевич Лихачев и Даниил Гранин. Они вдохновились миссией английского журналиста Виктора Зорза; кроме этих людей инициатива принадлежала петербургскому врачу Андрею Владимировичу Гнездилову. Открытие московского хосписа связано с именем Веры Васильевны Миллиончиковой, которая была врачом, открытие хосписа в Самаре состоялось благодаря врачу Ольге Васильевне Осетровой. То есть за решением этой проблемы очень часто оказываются не те, кто должен за это отвечать, не чиновники, но напрямую врачи-онкологи, а те, кто лично когда-то соприкоснулся с этим делом. О многом говорит опыт служения митрополита Антония Сурожского, его духовной дочери Фредерики де Граф. Это женщина-волонтер, которая по благословению митрополита Антония приехала в Россию работать в Первом московском хосписе.

Паллиативная медицина, зародившаяся в 1960-е годы в Англии, – это не просто развитие новой медицинской отрасли. Здесь упор делается не на высокие технологии и серьезные исследования, а на правильно подобранную медицинскую терапию, психотерапию и духовное участие. Само явление паллиативной медицины как таковой – дар Божий. Чем выше уровень жестокости и десакультурации общества, тем ярче Бог отвечает на эти вызовы, являя Свою милость. Во время войн, эпидемий Он, как исцеляющая десница (по Иоанну Златоусту), действовал через руки врачей. Всё было от Него: открытие х-лучей, вакцинации, обезболивания и т. д.

С изменением уровня жизни растут экологические проблемы: повышается уровень излучений, распространяются канцерогенные вещества. Значит, онкологических больных будет больше, и им нужна будет не просто

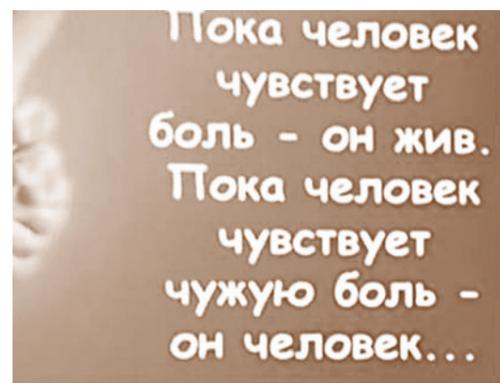
узкоспециализированная помощь, как лет 50 назад. Хотя хоспис является медико-социальным учреждением, он решает вопросы, связанные не со смертью человека непосредственно, а с качеством его жизни, поэтому он призван стать домом для достойной жизни, жизни до конца. Жизни, где к человеку относятся (и в этом я вижу очень важный антропологический срез) как к личности, разделяют его боль и страдания и максимально их облегчают. С больным человеком работает не один доктор, а работает команда. Как говорила Наталья Леонидовна Трауберг, ныне покойная, сама завершившая жизнь в хосписе, «там нет грязи, боли и унижения» – то есть того, что может стать невыносимым для больного. Создание такого дома жизни является абсолютно христианской задачей. Так, первые хосписы были организованы средневековыми монахами, ставившими эти дома, дома призрения, по дороге из Европы в Иерусалим. Там странники уже не могли получить медицинской помощи, но получали стакан воды, плащ, тот самый pallium (от этого – паллиатив), который их укрывал, получали духовную заботу, поддержку и т. д.

На кого Вы можете опираться, с кем уже можете взаимодействовать в Твери в этом деле? С какими приходскими, сестричествами, братствами, может быть, даже неверующими людьми?

Есть очень разные люди. Кто-то принадлежит приходу, кто-то вообще далек от церкви, кто-то связан с медициной, кто-то не связан. Человек лично или через СМИ, через кого-то знаком с проблемой, и он говорит: «Вот это меня касается, я хочу здесь быть волонтером» или «Я хочу помогать». Были случаи, когда люди мне говорили: «Это, конечно, хорошо, но мы не будем в этом участвовать». Я спрашиваю: «Почему?» – «Детям мы поможем, а тем, кто попадает в хосписы, – все равно умирать». И здесь важен вопрос нашего отношения к смерти. Если смерть – это все равно поражение, тогда уже нет смысла помогать. Если смерть вошла в твою жизнь и в перспективе ее разрушает, то в ней нет никакого смысла, нет и необходимости к ней готовиться. Получается, нет смысла сопровождать последние дни человека так, как это делается в хосписе. Вот такое жесткое отношение.

Я опять вспомню Наталью Леонидовну Трауберг. Она рассказывала об одной католической монахиня, жившей до II Ватиканского собора, которая упрекала людей такими жесткими словами: «Как ты можешь жить, если ты не любишь ад? Ты должен его любить!» То есть ты должен любить то место, где тебя накажут. Естественно, из этого делается вывод, что то, что происходит с человеком в этой жизни, он должен воспринимать как заслуженное. Если человек мучается – значит, он заслуженно мучается. Хорошо говорить такие слова, когда у тебя ничего не болит. А если у тебя болит 24 часа в сутки? Мы знаем, что значит сломать руку. Это очень больно. А если ты ломаешь эту руку каждую минуту, каждый день, каждую неделю, месяц? Это те же самые ощущения – переломанной руки. Только в случае с рукой – шину наложили, обезболили, и дальше идет процесс ремиссии, а здесь ремиссии от боли нет, ее можно только купировать. И все в голове у человека меняется, и это все касается его семьи.

А в Твери положение с онкологическими больными не очень хорошее. Поэтому хоспис и необходим – чтобы люди не оказывались в ситуации, описанной Сесилией Сандерс в ее известнейшей книге: вот эти лежащие молящиеся души, им уже ничего не остается, кроме как лежать и молиться, они брошенные.

Каким Вы видите в современных условиях дар милосердной любви?

Да, наверное, таким же, как и тысячу лет назад. Дар или есть, или его нет. И если он есть, человек считает возможным потратить свое время, средства, иногда свои психические, интеллектуальные, физические силы ради того, чтобы нечто отдать тому, кто в этом нуждается, и получить награду от Бога.

Как Вы считаете, возможна ли милосердная любовь без веры и надежды?

Когда мы говорим «любовь», «вера», «надежда», нужно очень четко сознавать, в каком контексте мы это говорим. В библейском понимании любовь человека к человеку – это проекция любви к Богу. А надежда – это надежда на пришествие Господне. Цитата из апостола Павла: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше», – хорошо святоотечески расшифровывается. Когда придет Господь, то надежда на Его пришествие будет реализована, вера уже будет не нужна, ибо Он пришел, остается только любовь. Очень простое богословское объяснение.

Как нужно жить церковному собранию, чтобы милосердная любовь была плодом жизни этого собрания?

Ну как жить? Разве бывает немилосердная любовь? К примеру, взять двух святых абсолютно разного времени. Преподобный Иосиф Волоцкий, которого знают больше как святого строителя, святого мужа, который боролся с ересями и т. д., – в житии же указано, что он 15 лет в Иосифо-Волоцком монастыре в келье ухаживал за своим отцом. Думаете, у него монахов не было, которых он мог бы, как у нас сейчас говорят, благословить на эти труды, а сам бы занимался административными делами? Нет, это было его личное, его милосердная любовь. Или же св. Иоанн Шанхайский, Иоанн Босой, который после литургии обходил, как говорит житие, больных, находящихся на попечении. Но все это они делали не собирая совещаний, не составляя графиков и планов. Просто решили, пошли и сделали.

Как Вы считаете, в какой помощи более всего нуждается современный человек?

В такой же, как и несомненный: он хочет, чтобы ему не нахамили, но чтобы его накормили, напоили и пожалели.

Беседовала Мария Лавренова

Мужество надежды

Начало на с. 1

Философ выступает против этого обыденного взгляда и говорит: «Нет, мы посмотрим в глаза отчаянию, поймем, что надеяться не на что, и после этого мы что-то узнаем».

Вы сказали, что это связано с неверием или с верой какого-то другого рода, нехристианского рода. Но это связано и с общен исторической ситуацией, потому что личная надежда, надежда одного человека – это одна вещь. А есть ещё такая вещь как историческая надежда. И все чувствуют (у нас, может быть, об этом говорят меньше, в Европе – гораздо больше), что рухнула какая-то огромная историческая надежда. Её по-разному называют. Например, одно из её названий – «прогресс»: человечество идёт к какой-то светлой цели, мы достигнем всего, чего хотим, и этим одушевляется деятельность человека, и науки, и государства – тем, что мы идём куда-то и это рано или поздно достижимо. Эта надежда была неким мотором действия, одушевлявшим идею такого человеческого общества, которое «твёрдым шагом идёт к лучшему будущему»; теперь это называют «просвещенческим проектом», ведь он, конечно, формировался в эпоху Просвещения. И сегодня все понимают, что он кончился. То, куда мы идем, – я имею в виду все человечество – не радует никого, а многих пугает, потому что пугающих симптомов слишком много; я не буду их перечислять...

Но главное даже не это, не то, что мы создаем цивилизацию, которая угрожает космосу, угрожает окружающей среде, а то, что у нее вообще нет души, того, что ее одушевляет. Она строилась с надеждой на то, что создается некое замечательное пространство для человека, где он наконец-то будет равен себе, свободен и т. д. Теперь всего этого нет. И этой надежды – и никакой – нет. Для чего происходят все эти технические усовершенствования? Для удобства, для комфорта, для овладения средой. Но ничего хотя бы чуть-чуть идеалистического во всем этом движении давно нет. И это, пожалуй, самое страшное – что одушевить это движение кажется почти невозможным. И мы все, хотим того или нет, мы исторические люди и живем в этом моменте. Прежде ребенок, даже не изучая просвещенческих философов, уже в школе полагал, что он куда-то идет, что каждый наш будущий день будет лучше прошлого... А теперь он совсем в другой, растерянной обстановке растет.

Вы начали с того, что в послании апостола Павла противопоставляется печаль о покойном – надежде. Но мне кажется, что сейчас надежде противостоит даже не столько печаль, а просто равнодушие и окамененное нечувствие. Печаль – это уже тоже какое-то чувство. А то, во что впадает человек и вместе с ним всё общество – это просто состояние анабиоза, привычки. «Ничего, так и должно быть, ничего другого не бывает, мы так и будем, надо просто как-то к этому приспособиться». И вот это настоящее противопоставление теперешней надежде – безнадежность в спокойной форме, такое мёртвое спокойствие. Не на что надеяться, не нужно ни на что гневаться. Это какой-то очень странный сон всех человеческих чувств, всех нормальных реакций. И всё – надежду, будущее, потому что надежда непременно связана с будущим, тем или другим, – заменяет привычка.

Безнадежный современный человек живёт в привычке. Он не помнит ни о конце, ни о начале. Великий поэт надежды Шарль Пегг как раз писал, что без надежды человек не знает начала – не своего начала, но начала мира, потому что всё стало привычным, старым, таким, которое изменить нельзя. Это какая-то ситуация безнадежности, принятой косности.

Я думаю, что в надежде главное – то, что она двигатель. Если человек для чего-то что-то делает, у него есть надежда. Он может не формулировать, на что он надеется, но пока он действует, пока он что-то предпринимает – он надеется. И в этих позднейших представлениях о надежде (конечно, ее путают с иллюзией, с малодушием) забывают то, что надежда – добродетель. Добродетель, то есть мужество. И все три богословские добродетели – Вера, Надежда, Любовь – они дочери Софии, то есть Премудрости. И каждая из них – дитя Премудрости. Тогда как нормальный среднестатистический человек скажет, что надеяться глупо, и никакой мудрости в этом нет, также как и верить глупо. То есть это совсем другое представление об уме и мудрости...

Безнадежность этого мира, или отчаяние, или, как Вы сейчас сказали, полное безразличие – это одна сторона. Глупая, суетная надежда – другая сторона. Где проход между ними? Безусловно, имея надежду, мы имеем и какую-то трезвость. Мы не можем говорить, что надежда наша слепая, и раз мы верим, то уже как бы и надеемся. Все-таки это разные вещи – Вера, Надежда и Любовь. Хоть и сестры, но совсем не одинаковые. Можно верить и любить, но не надеяться. Можно надеяться, но не верить, не любить.

Я думаю, какой-то путь к осмыслению намечается в том, что необходимы они все три. Мы встречаем веру без надежды, и это довольно страшная вещь. Это фанатизм. Мы встречаем любовь без надежды, и это тоже страшная

Интервью Ольги Александровны Седиковой к фестивалю «Преображенские встречи»

вещь, которая перерождается в деспотизм, овладение предметом любви вместо самоотдачи. Надежда без веры и любви, соответственно, превращается в иллюзию. И это сложное соединение всех трех уже говорит о том, что у нас надежда, а не иллюзия.

Меня, пожалуй, больше всего пугает вера без надежды. Потому что в ней уже нет мягкости, нет нежности, пощады – ничего этого нет. Это придаёт надежда. Потому и говорят те, кто размышляет о надежде – христианские мыслители – что она самая трудная из трёх добродетелей. Потому что весь мир как бы против неё. Если поглядеть трезвыми глазами: а на что надеяться? Мы знаем, как оно всё бывает и может быть. И поэтому сохранять эту надежду и есть в каком-то смысле подвиг, мужество.

На что надежду? Это вопрос, конечно. На то, что всё будет хорошо? Я думаю, что это как раз та самая иллюзия. Может быть, до самого последнего твоего часа ничего хорошего и не будет. Но это не значит безнадежность. Надежда связана с другим. Я бы сказала, что она связана с тем, чтобы не забывать о смысле. Что у всего этого есть смысл, и что этот смысл – прекрасный, и что в этом смысле есть какая-то любовь к тебе лично и ко всем другим. Если мне теперь в данный момент закрыт этот смысл, отвернуться и сказать: «его нет» – это будет предать надежду. В самом тяжёлом положении, когда кажется, что всё абсолютно несправедливо, абсолютно против тебя или против твоих понятий о добре направлено, нам важно сохранить догадку, что есть какой-то в этом смысл, какой-то замысел, который рано или поздно, наверное, ты откроешь.

А если продолжить это в сторону истории? Вот человек ощущает, что он надеется, но это касается лично его, его веры, его отношений с Богом, его отношений с миром, с другими людьми. А Вы упомянули и историческую надежду, надежду по отношению к собственной стране, к народу, народности, к нации, к церкви земной, к миру в целом. Какие здесь у христианина есть надежды в свете той реальности, которая нас сейчас окружает?

Вера, Надежда, Любовь и мать их София. Новгород, первая половина XVI века. Государственная Третьяковская галерея

Я думаю, это огромное испытание надежды. И в каждом месте оно свое. Потому что те трудности, с которыми мы сталкиваемся в наше пост-тоталитарное время – они совсем другие, чем то, с чем сталкиваются европейские люди, не прошедшие этого опыта. И вместе с тем они его тоже переживают как очень тяжелый. Это какое-то огромное испытание. Я думаю, что верующий человек в том смысле, в каком мы имеем это в виду, т. е. человек, не просто полагающийся, что Бог есть, а каким-то образом имеющий с Ним общение (церковный человек скажет прежде всего, что он имеет это общение в таинствах, в молитвах и ещё как-то во внутреннем мире), пока он верит, не может потерять надежду – свою личную надежду, что Бог его не оставит. Спасение здесь есть.

А вот эта общая надежда в наше время, которое все уже слишком давно называют «кризисным»... Здесь я бы не решилась сказать, как выглядит надежда для всей цивилизации, для страны. Для церкви это, наверное, легче сказать. Это открытый вопрос. Появляется ли то, что одушевляет все это? И вместе с тем понятно, что без этого ничего не получится. Дело не просто в присутствии плохого. Плохого всегда очень много. Отсутствие,

нехватка хорошего, одушевляющего – вот что больше всего тревожит.

Это действительно вопрос по-настоящему открытый. Совершенно очевидно, что не нужно сейчас предлагать людям такую, несколько наивную, надежду, что все будет хорошо не только лично по отношению к вам, но и в стране, и в церкви, и в мире, и так далее. Правда, важно сохранять эту тему открытой. Иначе какая же это надежда? На что эта надежда?

Да, фанатическая самоуверенность, которую ты хочешь внушить другим – это не надежда. А сказать о правдивой надежде мы можем, только оставив её открытой. Видимо, после опытов всех утопий, всех страшных перипетий XX века, я бы не решилась предлагать общую надежду: «Давайте надеяться на то, что мы построим вместе какое-то справедливое общество». Или: «Давайте все вместе будем надеяться и сделаем всё, что можем, чтобы возродить гуманитарную культуру» (все теперь говорят о гибели гуманитарности классической – и это правда). Не могу. Мне кажется, по моему опыту, что остаётся исключительно личный выбор. Другое дело, что потом люди, совершившие этот личный выбор, встречаются. Тогда происходит встреча. Если же они своего выбора не сделали, то объединять их и давать общую надежду – мне кажется, XX век должен был научить, что так больше нельзя.

Время сейчас действительно новое. Происходит то, чего раньше не было никогда. Можно сказать, что оно с той или иной эпохой больше совпадает, доконстантиновской или какой-то еще – но оно принципиально иное. Какие возможности для надежды открывает именно это наше новое время? Есть ли они?

Я убеждена в том, что они есть. Что труд человека, который чувствует, что он живет в истории (говорят, что это положение меньшинства, которое так это чувствует; обыватель живет вне истории), как раз в том, чтобы их найти, увидеть, где эти возможности в том, чем он занимается. Если ты художник, то ты не должен как все художники говорить, что искусство кончилось. Ты должен поддерживать возможности, которые дает наше время. Так же – поэзия, музыка и т. д.

К сожалению, в своих делах, в собственном призвании люди очень мало ищут и быстро соглашаются, что да, мы живём во время «после всего». И тогда, как о некоторой удаче, говорят о том, что есть совсем другие новые возможности. В чём они? Я думаю, что прежде всего в большей возможности свободы, в том, о чём так горюют – что устои рухнули, какие-то скрепы рухнули, что многие вещи, которые были традиционными, во многом навязанные отдельному человеку, потеряли свою тяжесть, что они над тобой не висят так. Эта свобода – пугающая, потому что можно оказаться пустым и без всего. Но может быть, именно оттого, что с тебя снят гнёт всего, что «можно, нельзя, хорошо, плохо», здесь находится какая-то другая новизна, другая глубина. Вот это одна из возможностей, которые я вижу. Она одновременно и драматична, и даже трагична – вот эта свобода. Ты остаёшься как первый человек перед пустыми небесами, в каком-то смысле, несмотря на то, что за тобой Данте или Пушкин. Но вот сейчас – нет, это всё, так не получится. Встает вопрос – а как?

Может быть, Вы скажете несколько слов тем тысячам глаз, которые будут смотреть на экран, слушать нашу беседу, Ваши ответы?

Для меня встреча с людьми, которые собираются второй год на фестивалях, а до этого на конференциях всегда как раз была укрепляющей надеждой. Потому что самое большое, что мы можем дать другим в смысле надежды или смысла – это, конечно, просто самих себя. Не слова. Когда ты видишь человека, который чем-то увлечён, который не придавлен к земле, у которого что-то впереди и выше, он, конечно, и другим может внушать эту надежду. Другой найдёт какой-то свой путь. Но ему надо кого-то видеть, потому что жить среди потухших людей – невозможно. Надо быть сверхчеловеком, чтобы выдержать, когда уже все договорились: всё, больше ничего не будет, а ты будешь ходить и говорить: нет-нет-нет... Так что общество нужно, нужны хотя бы редкие встречи. А ещё лучше не очень редкие. Какой-то энергетический обмен.

Я очень желаю всем, во-первых, встречать таких людей. И, во-вторых, самим быть для других такой встречей, что, поглядев на этого человека, ты подумаешь: а ведь неприлично говорить, что ничего не может быть... Когда я встречала владыку Антония или Иоанна Павла (ну, и других не столь знаменитых, но духовных людей), первое непосредственное ощущение после встречи с ними: что стыдно как-то по-другому, стыдно, нехорошо. Что вот, оно здесь, оно рядом. Что это обещание Царства Божия с вами и внутри вас – не обманное. Что они несут в себе это обещание, эту надежду.

Беседовал А.М. Копировский

Что было самым важным на фестивальных площадках «Преображенских встреч»

Актуальные вопросы катехизации

Кирилл Мозгов, руководитель издательства Свято-Филаретовского института, преподаватель истории христианской миссии и катехизации (Москва): Что мне показалось самым важным? К нашему разговору был подготовлен хороший видеоролик, в котором воцерковившиеся за последние пару лет люди рассказывали о своих надеждах до оглашения и после. Наш разговор показал, что действительно за время оглашения у многих эти надежды меняются. Человек часто приходит к Богу, ожидая что-то получить для себя, лучше устроить собственную жизнь. Но постепенно меняется вектор, если можно так сказать, и человек уже задается вопросом, как он может что-то дать другим, как он сам может послужить Богу и Церкви. Это

еще один важный момент: люди открывают для себя Церковь не как «что», а как «кто», собрание людей. Как говорили наши предки, «Бог не в бревнах, а в ребрах».

Вторая часть нашего разговора затронула тему надежд катехизаторов. Мы пытались выяснить, чего же ожидает от оглашаемых церковь, почему часто не происходит «встречи» – люди в итоге не остаются, кто-то вообще больше не приходит в храм даже после оглашения. В конечном счете нам важно было нащупать какие-то критерии, произошло оглашение или нет, каковы его плоды? Приход человека не только к Богу, но и в Церковь – один из таких важных моментов.

Образование после постмодерна

Юлия Балакшина, доктор филологических наук, доцент Свято-Филаретовского православно-христианского института (Санкт-Петербург): Очень острой была постановка диагноза «болезни». Все легко узнавали проблемы образования, с которыми нам сейчас приходится жить: утрата смысла и «образа», технологизация, отказ от центра, глубины и высоты, смерть субъектов образовательного процесса, переход в обезличивающее интернет-пространство... Тем удивительней было, что участники круглого стола все-таки смогли наметить реальные пути выхода из кризиса.

Г.М. Романцев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, научный руководитель Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург) предлагал учесть в современных образовательных документах специфику российской идентичности, невозможную без устремленности к высшим ценностям и соотношения «я» не только с государством, природой, обществом, но и с Богом и собственным «я».

А.М. Копировский, кандидат педагогических

наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин и ученый секретарь СФИ, говорил о необходимости создавать альтернативные образовательные проекты, позволяющие сохранять целостность, подлинность, личность, веру и доверие в процессе образования.

А.Б. Мазуров, доктор исторических наук, профессор, ректор Московского государственного областного социально-гуманитарного университета (Коломна) размышлял о сопротивлении внутри педагогов, о том, что важно не поддаваться на провокацию превратить образование в бизнес-проект, но делать все, чтобы сохранялась радость познания и личностное общение преподавателя и студентов.

В конечном итоге, постмодерн можно воспринять не просто как декларацию пустоты или топтание на месте, а как освобождение от догм и схем, позволяющее открыть новый образ свободного человека.

Виталий Черкасов, кандидат исторических наук, доцент Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна): Нескольким удивило то, что все свободные места на нашей фестивальной площадке были заняты, а в проходах стояли люди. Не ожидал, что интерес к теме духовного образования, да и в целом образования в нашей стране, будет столь большим. Думаю, что дело здесь не только в удачно сформулированной, зазывающей теме «Образование в эпоху после постмодерна», не только в приглашенных спикерах, специалистах и в своих научных областях, и в сфере управления образованием, но в том, что открыто или внутренне люди ищут ответа на вопрос, что сейчас происходит в образовании школьном, университетском, что происходит с учителями, преподавателями, учащимися, студентами, родителями, т. е. со всеми нами, как можно определить эти процессы, в чем кризис образования, как из него выходить, может ли образование (шире – просвещение), сменить парадигму собственного развития, стать двигателем для других общественных сфер или обновление образования невозможно без обновления самого человека, от

которого, в конечном счете, только и зависит возвращение в школу и с маленькой и с большой буквы смысла, слова, духа. Наша площадка, может быть, отличалась и тем, что, судя по реакции участников площадки (а мы постарались включить в разговор всех, кто пришел в наш павильон), вопросы, сформулированные оргкомитетом попали в «десятку», и тем, что мы смогли найти ответы на них. И главный ответ для меня был в том, что в настоящее время уже существуют те, пусть и небольшие, «острова» в нашем образовании, на которых и происходит поиск человека подлинного, образа и смысла нового просвещения, поиск тех условий, где возможна встреча учителя и ученика, в которой они не будут приложением к будущей профессии, заложниками стандартов и идеологием, но смогут вместе совершать открытия – самого себя, другого и Того, Кто всем нам дал такую свободу открывать многое вместе. Поэтому на нашей площадке мы увидели, что в эпоху, в которую уже входим, в эпоху после постмодерна, в образовании есть жизнь, и пока она на небольших островах, но это «острова надежды».

СМИ о церкви: год наблюдений

Андрей Васнев, главный редактор медиапроекта «Стол» (Тверь): Зацепило больше всего то, что несмотря на кризисные тенденции в журналистике, в общении, в желании что-то преодолеть, наша площадка состоялась. Состоялась презентация исследования, которое удивило само по себе. Например, авторы ожидали, что церковь будет больше всего представлена в политическом поле смыслов, в социальном тоже, но что евангельское поле будет так широко присутствовать в СМИ (до 20% публикаций на тему церкви в журнале

«Огонек») – это было открытием. Ну и конечно, очень важной для нас была сама тональность разговора. Подходя к фестивалю, мы переживали: как коллеги смогут оценить наш труд, сможем ли мы донести до всех нас причины нашего беспокойства о проблемах в сфере журналистики и церкви? Но разговор случился таким, что после него у нас осталась не только надежда на его продолжение, но твердая уверенность в его необходимости и важности, а значит, и возможности.

Воцерковление детей и подростков: опыт передачи веры

Ольга Синицына, руководитель детско-юношеского центра КПЦ «Преображение» (Москва): Когда мы говорим о христианском воспитании детей в церкви, в том числе о помощи крестных, о помощи общины, мы в любом случае возвращаемся к разговору о родителях, об их молитве, об их усилиях, об их примере и свидетельстве. Если христианин становится родителем, он вступает на путь подвижничества и непрестанного свидетельства. В этом мире, лежащем во зле, за детей надо «сражаться». Вспоминаются слова архим. Таврио-

на (Батозского): «А в чем, собственно, христианское воспитание? Что надо делать для детей? Вера – это красота, вера – это любовь, вера – это чистота. Так вот надо эти красоту, чистоту, святость, правду показать перед детьми».

При этом очень важно, что на площадке был явлен круг единомышленников, родителей, братьев и сестер во Христе, которые, возможно, и осознают свои немощи, но имеют надежду вместе помочь своим детям обрести путь жизни во Христе и в Церкви.

И боль, и радость

Православное братство «Трезвение» выпустило электронное издание «Трезвенное отношение к зависимому человеку»

Название сборника, ставшего плодом труда всех членов братства, ставит одну из серьезных проблем в сфере трезвеннического движения: как может христианин трезвенно помогать зависимому, не попадая сам в ту же ловушку зависимости – только от другого человека.

Издание состоит из трех разделов. В первый включены размышления братчиков, второй («Вектор усилий») основан на личном опыте, третий («От несения обетов – к служению через общение») – включает в себя обсужденные статьи прмц. Марии (Скобцовой) об опыте служения людям, в том числе зависимым.

Духовный попечитель братства «Трезвение» священник Георгий Кочетков как-то сказал, что у каждого человека есть свой коэффициент искажения реальности. И потому трезвенность необходима всем христианам, чтобы определить границы ответственности за своих ближних и близких. Вспоминая в день памяти прп. Марии Египетской житие этой святой, которая в начале своей жизни, несмотря на то, что считалась христианкой, строила свою жизнь отнюдь не по Христу, шла в прямо противоположную сторону и ненасытно исполняла все свои греховные пожелания, он говорит о духовной пустоте, о пустыне, в которую попадает такой зависимый человек. По словам о. Георгия, «эта пустота становится все более агрессивной, она уже не терпит рядом с собою тех, у кого этой пустоты нет или почти нет». И особенностью жизни современного человека является переживание сначала внутренней, а потом и внешней пустыни. Эта пустыня и связанное с ней разорение проникает и в церковную жизнь. Фактическое неверие – пусть и с элементами покаяния и сожаления о прошедшем – остается главной характерной чертой современной жизни.

Человек, который ни на что не надеется, убегае от своего креста. Надежда и упование ищущих христиан заключается в том, что безумие, оболечение и одержимость пройдут, «и тогда вместо нечестия явится сила Божья и, значит, святость». Проповедь напоминает об актуальности твердости, мужества в церковной жизни: «нам не хватает собранности, умения жить, отказываясь от себя и своего... умения жить с другими, почитая всякого другого верного выше себя».

«В наших трудах по отношению к зависимым близким мы лишь сотрудничаем со Христом, потому что Он выше всех, и Он, в первую очередь, больше всех заинтересован в освобождении людей от зависимости», – напоминает председатель братства «Трезвение» профессор Александр Копировский. Он подчеркивает значение наших границ, когда мы служим зависимым. Эти

границы часто теряются, затмевается память о том, чему посвящена наша жизнь. «Здесь мы идем по лезвию. Это не только узкий путь, но еще и путь, где многие почти буквально режут себе подошвы. Потому что хочется твердости, определенности, и мы говорим: да, я готов положить жизнь за этого зависимого человека! А тебя никто не просит это делать, потому что Христос за тебя уже положил Свою жизнь, и за зависимого тоже». Трезвение как лезвие, как острый меч: «Трезвиться больно, неудобно, неэстетично, не приносит мгновенного удовлетворения». Однако благодаря Богу мы открываем для себя вещи, которые наполняют ум и сердце, «дают способность идти по лезвию и радоваться».

Второй раздел по существу посвящен обсуждению докладов психолога Наталии Никулиной о созависимости. Приводится образ архим. Тавриона (Батозского): «наше гнездышко на кресте». Образ «свивания гнезда» связан с преодолением одного из главных духовных ступоров нетрезвенного участия в жизни зависимого, в котором нет места кресту. Этот образ помог сформулировать проблему: как перестать заботиться о своем. Христианину нельзя отречься от отношений со Христом и личной Голгофы, от личного общепризнанного призвания. Поиск Божьей воли и готовности принять ее и есть несение креста. «Нельзя решать судьбу другого, выбирать за него, как жить». Это путь трезвения.

«Чрезмерная забота о зависимом так же разрушительна, как и зависимость. Усиленно заботясь о пьющем, человек не может выражать свои чувства, выражает их с трудом. По словам святителя Феофана Затворника, умение владеть своими чувствами есть христианская добродетель. Размышляя об этом, важно понимать разницу между отказом от проявления чувств (душевное состояние) и умением владеть ими (духовное состояние)». Для навыка владения чувствами нужны творческие усилия. «В общении с зависимым важно не брать на себя роль спасителя», утешителя с «дешевой милостью», обнадеживая себя и его, что все будет хорошо. «Жизнь в духовной семье предполагает совместное духовное творчество», дает надежду на разрешение семейной ситуации братчика.

Нетрезвенное общение с зависимым человеком приводит к еще большей несвободе обоих, к другой зависимости. «Этот дух атакует каждого и внезапно: после общения с зависимым просыпается чрезмерная тяга то к алкоголю, то к кофе или чаю; то хочется провести вечер у телевизора или за компьютерной игрой». Не нужно отчаиваться, но такие проблемы придется решать всю жизнь, каждый день. Христианину нужно трезвенно понимать и принимать себя и другого. «Противостоять духу, противящемуся тому, что связано с покаянием, можно только вместе, в церковной среде, с помощью Христовой веры». В таком поединке с пагубной внутренней пустотой нужно найти силы для внутренней молитвы, чтобы диалог с зависимым не был разрушительным для обоих.

Митрополит Сурожский Антоний писал: «помолчать, посидеть рядом, ничего не говоря, плодотворно выдержать состояние пустоты – большой духовный труд».

В третьем разделе читатель узнает о том, как духовное наследие святых, в частности, прмц. матери Марии, помогает побеждать нетрезвенность по отношению к зависимому человеку, дает свободу для служения Богу и ближнему. «Необычный угол зрения матери Марии исходит из ее личного опыта, по которому любой ближний, рассчитывающий на все твое внимание, тем самым рассчитывает на всего тебя –

и никак не меньше, а все, что меньше, может оказаться недейственным, не способствующим выпрямлению человека. Надо, говорит она, не прятаться за мысль, что происходящее есть следствие греха этого человека, его дурного воспитания, давления среды и т. д., а взять на себя все его обстоятельства. Это и есть крест».

«Свойственны ли состраданию какие-то расчеты? У этого слова много оттенков значений. Сострадание бывает в полноте и не в полноте, время от времени и отчасти. А бывает бесчувствие, когда человек называет себя верующим и не страдает, не сочувствует, а носит в себе теплохладное фарисейство. Все же если человек начинает сострадать хотя бы отчасти, то это уже происходит во Славу Божью. Но надо понимать, что рядом с матерью Марией такое сострадание «отчасти» выглядит бледно. Вообще находиться рядом со святыми всегда непросто...» Задевают слова протоиерея Сергия Булгакова и архимандрита Сергия (Савельева) о том, что сострадать может только тот, кто сам прошел через страдание. Общаюсь с немощными, невольно вхожу в пространство, в котором Господь приоткрывает тайну страдания другого. И что-то меняется в понимании мира и людей, в осознании своего причастия к страданиям человеческим. При этом важно не впасть в тщеславие. «На церковном пути нет необходимости копировать опыт матери Марии, ведь от Господа дары у всех разные. Но нужно трезвенно разделять жизнь с зависимым, не впадая в его и свои грехи и не упражняясь механически в добродетели. Качество отношений с ним и степень его исцеления зависят от того, как происходит наше возрастание в независимости от греха и в причастности Христовой любви, которую Он явил человеку».

Опыт святых не дает нам какую-то «методику», мы свободны в выборе и творчестве. И не нужно бояться ошибок. Здесь также не будет сиюминутного улучшения. «Это как все время ходить по водам, не час или два в день. Мать Мария говорит: "Надо ходить все время!" Потому что нигде нет почвы твердой, и спасает только вера, хождение в ее духе и смысле. Это как "крест-меч", которого, по матери Марии, надо

искать. "Меч" – сострадание к другому человеку, постоянное творческое усилие к созиданию общения с ним и стремление лучше понять его. Если "меч" не действует и ничего не меняется, нельзя сидеть и бездействовать – молись, ходатайствуй и говори Господу, что ты готов к общению с зависимым (или его родственником). Будь внутренне настроен изменить свое мироощущение – не для того, чтобы разобраться в ситуациях, которые к тебе приходят, а чтобы творчески всматриваться в мир и искать возможность для христианского служения».

*За этот день, за каждый день отвечу, –
За каждую негаданную встречу, –
За мысль и необдуманную речь,
За то, что душу засоряю пылью,
И что никак я не расправлю крылья,
Не выпрямлю усталых этих плеч.*

Эти слова матери Марии, написанные в 1933 году, до сих пор звучат современно.

Путь к общению с зависимым человеком – долгий процесс. Он включает в себя диалог, а также трезвенное понимание того, когда стоит говорить с зависимым, а когда лучше уйти, но в мирном духе и не обидно для него. Общение, как и любовь, имеет динамику, и надо знать, когда остановиться и подождать, а когда смело идти в глубину. При этом во всем должна быть мудрая терпеливость.

Все люди разные, и в пьяном состоянии, и в трезвом. Поэтому нет единой установки на общение. Главное – выработка отношения к человеку, направленного на поиск образа Божия в нем. Нужно искать форму общения, которая не оскорбляет, трезвенно вступать в разговор с зависимым человеком, в каком бы он ни был состоянии, и пытаться продолжить общение с ним, когда он протрезвеет. Тогда молитва о таком человеке будет не благопожеланием, но действенным ходатайством перед Богом. Нужно лишь решиться на жертвенную любовь и сострадание.

Полную версию электронного издания можно прочитать на сайте Братства «Трезвение» www.nepsis.ru в разделе «Братство-Издания братства» по адресу: <http://nepsis.ru/bratstvo/izdaniya-bratstva/493-trezvennoe-otnoshenie-k-zavisimomu-cheloveku.html>

Редколлегия издания БТР

Одна из иллюстраций к сборнику: Дуччо ди Буонинсеня. Воскресение Христова – Сошествие во ад. Одна из сцен алтарного образа «Маэста» («Прославление Богородицы») в кафедральном соборе Сиены, 1308–1311.

Вопросы перевода богослужения на современный язык

Известный литургист архимандрит Ефрем (Лэш) размышляет о том, зачем нужен перевод богослужения. Видеозапись интервью опубликована на портале «Богослов» в июне этого года

Вы известны как переводчик литургических текстов на английский язык, прекрасно знающий рукописную традицию, традицию литургических текстов на греческом, сирийском и, естественно, на других языках. Почему, по Вашему мнению, нам нужны новые переводы литургических текстов, оправданно ли их использование в современной церкви с пастырской точки зрения?

Здесь надо различать две стороны вопроса. Во-первых, в большинстве наших греческих приходов в Англии люди в основном не понимают древнегреческий язык. Многие из прихожан являются уже представителями второго или третьего поколения. Это еще в большей степени касается Америки и Австралии. И мы просим людей приходить в воскресенье утром на службу, чтобы в течение 3–4 часов слушать язык, который они больше не понимают. Поэтому, как мне кажется, становится все более необходимым снабжать людей переводом либо в виде книг, по которым они могут следить за службой, либо даже служить на ан-

глийском языке. Ведь именно это и произошло в славянских странах во времена Кирилла и Мефодия. Они сделали как раз то, что сейчас необходимо сделать нам.

Окончание на с. 4

«Люди с интересом читают перевод Священного Писания на родном языке»

В Казани прошла презентация первого полного перевода Библии на татарский язык

В мае в Государственном большом концертном зале имени С. Сайдашева состоялась презентация первого полного перевода Библии на татарский язык. О переводах Священного Писания и их дальнейшей жизни рассказал главный библиограф Синодальной библиотеки Московского Патриархата имени Святейшего патриарха Алексия II, председатель правления

Института перевода Библии протоиерей Александр Троицкий.

Отец Александр, много ли организаций на сегодняшний день занимаются переводами Священного Писания?

Специалистов, которые могут организовать эту работу, не так уж много. Поэтому в России переводом Библии занимается наш институт; существует одноименный институт в Хельсинки, специализирующийся на переводе исключительно на финно-угорские языки; работает Российское библейское общество, которое также занимается несколькими крупными языками, такими как, например, чувашский. Вот, собственно, и все. Со всеми этими организациями мы ведем совместную работу, однако есть проекты, разработка которых ведется только в нашем институте. К примеру, перевод Священного Писания на ненецкий, ительменский и другие языки народов Севера.

Можно ли согласиться с утверждением, что перевод

Библии сохраняет язык народа?

Несомненно. Дело в том, что в советское время на малые языки народов Советского Союза осуществлялись переводы как минимум основных документов СССР, какие-то основные работы классиков и буквари. Однако в новейшее время эта работа сильно сократилась. Если посмотреть количество изданий на языках некоторых народов, особенно народов Крайнего Севера и Дальнего Востока, то мы увидим, что за последние лет 20 вышло 3–5 изданий, из них 1–3 – это издания Института перевода Библии.

Окончание на с. 2

«Люди с интересом читают перевод Священного Писания на родном языке»

Институт перевода Библии выпустил первый полный перевод Библии на татарский язык

Начало на с. 1

И больше ничего на этих языках не издавалось. Это, конечно, плачевная ситуация, поскольку люди совершенно отучаются читать, в лучшем случае переходят на русский, в худшем – остаются полуграмотными. В этом случае, если у людей есть интерес читать на родном языке, Библейские переводы очень помогают, особенно если эти народы просвещены христианской проповедью. Однако даже если на территории совершенно нет христианских религиозных общин, люди обычно с интересом читают перевод Священного Писания на своем родном языке.

В последнее время появляется все больше переводов Библии, причем не только на языки, на которые она ранее не переводилась. Так, например, недавно вышел в свет перевод Библии на современный русский язык. Что вы думаете об этой тенденции?

Для того чтобы появился качественный и востребованный перевод всего Священного Писания или значительной его части, необходима серьезная причина. Перевести Священное Писание от безделья, между делом, да еще чтобы получилось что-то нужное и полезное, – таких примеров я не знаю. Что касается русского языка, первый полный перевод Библии был осуществлен 140 лет назад, мы называем его Синодальным переводом. Хотя были и более ранние переводы книг Нового Завета. Синодальный перевод все же вытеснил все эти труды и до недавнего времени использовался как единственный перевод на русский язык. Однако, как мы знаем, Синодальный перевод Библии, особенно в части Ветхого Завета, не вполне однородный. Масоретский текст, взятый за основу, был дополнен и восполнен текстом Септуагинты. Причем не всегда понятно, где кончается текст одного источника и начинается другой. В результате надо признать, что русского текста, который давал бы понять, чем отличается Масоретский текст от Септуагинты, у нас до недавних пор не было. В свое время профессор Казанской духовной академии Павел Александрович Юн-

геров осуществлял научный перевод Септуагинты, который так полностью и не вышел. Масоретский же текст, практически без всякого влияния Септуагинты, был выпущен РБО в составе «Новой русской Библии». Единственное, что портит репутацию этого замечательного издания, – это то, что в качестве перевода Нового завета туда был включен перевод Валентины Николаевны Кузнецовой, который местами может показаться даже вульгарным.

Пожалуй, это говорит о том, что есть некие традиции перевода, которых следует придерживаться. А на какие традиции опирались переводчики Библии на татарский язык?

Первоначальные переводы, адресованные тюркским народам России, к которым относится и татарский народ, выполнялись на кыпчакский литературный язык, где было множество арабизмов. Это была попытка обратиться к читателю, который знает и читает на арабском. Переводы эти были достаточно высокого уровня, однако, как признал участник этих переводов Николай Иванович Ильминский, они не могли удовлетворить потребность миссии среди крещеных татар, которые не знали арабского текста. И тогда Николай Иванович стал переводить на язык, близкий к разговорному языку крещеных татар. Таким образом, появилась кряшенская традиция. Однако существуют значительные отличия между языком, на который переводил Ильминский, и современным татарским языком. На сегодняшний день татарский язык – это не только разговорный язык, а также язык литературы и науки. Поэтому для современного татарского общества был необходим новый перевод. И тогда нами был взят курс на создание перевода, который бы передавал смысл оригинала языковыми средствами современного татарского литературного языка. Кроме того, этот перевод открывает широкие возможности для различных филологических исследований.

Беседовал Алексей Павлов
Сайт Института перевода Библии

Наша встреча дает нам наде

Первая часть фестивальной площадки «Преодоление» (в ближайших номерах), собрала множество священных писаний, особенно в богослужении – между клириками и мирянами. Язык богослужения.

Вот несколько мыслей, прозвучавших в ходе разговора. На панихиде, молебне, акафисте священник старается говорить на русском языке, понятный. Поэтому в любом русском языке (это естественно, кто же тогда по-русски поет?). Закрывая к середине разговора тему языка, это было сказано уже отцами Поместного собора. Просто искусственно, ведь после второго восстания богослужение на русском как диссидентство, оно не должно быть.

Разговор клириков и мирян о том, как преодолеть эту проблему и дальше. Ниже мы публикуем интервью с

Как Вам кажется, насколько разговор на фестивальной площадке «Литургическая жизнь Церкви» о некоем средоточии, которое существует, особенно в богослужении, между клириками и мирянами, будет сейчас актуален и видите ли Вы сами это как проблему?

Проблема эта существует уже достаточно долгое время. Стало чуть ли не богослужебной традицией Русской церкви, что священник в алтаре читает совершенно отдельные молитвы, дьякон в это время произносит ектенью, а хор поет какие-то свои песнопения. До революции даже издавались специальные книжечки, в которых было «последование для мирян» – особые молитвы, которые они должны были читать во время пения антифонов на Божественной литургии.

А некоторые и сейчас стоят и читают про себя: «Господи, помилуй меня, грешного» вместо того, чтобы участвовать в богослужении.

Да, это так. Поэтому, проблема эта существует уже в веках, и мы пытаемся найти какое-то разрешение этой проблемы – пока только пытаемся. Вот отец Георгий Кочетков предлагает какие-то решения этой проблемы, на некоторых приходах Санкт-Петербургской епархии, насколько показывает практика, этот вопрос тоже как-то решается тем или иным образом. Но пока общая ситуация в Русской церкви остается без изменений.

Помню, год или полтора назад, когда в одном из московских храмов настоятель начал вслух читать тайные молитвы – так на него прихожане донос написали: мол, мешает нам молиться.

У нас очень часто настоятеля храма могут убрать с занимаемой должности, если он начнет как-то изменять литур-

жду на то, что литургическое возрождение станет реальностью

«браженских встреч», посвященной литургической жизни Церкви (о второй части этой встречи, не менее интересной, мы расскажем в следующем номере). И это не удивительно: она была посвящена проблеме преодоления того средостения, которое существует сегодня – между мирянами. В ходе разговора поднималось множество проблем, хорошо известных еще со времени Поместного собора 1917 года. Упоми-

зговора:

«...идет вместе с народом. Все объединяются вокруг него. И язык этих чинов не совсем славянский, скорее он стилизован под славянский, а там где эти понятные и объединяющие клириков и мирян богослужения вызывают подъем. Русские святые XIX века писали молитвы на церковнославянском языке (или по-славянски?). Важно издавать молитвословы на русском языке, они нужны, об этом свидетельствует то, как быстро они расходятся в богослужения, сошлись на том, что эта проблема понятна и касаться ее в сотый раз ни к чему. Да, нужно что-то делать с языком, в 1917–1918 гг., так что здесь все понятно. В 1990-х годах эту проблему совершенно искусственно поднимали на щит. Впрочем, нежелание патриаршества это входило в соглашение власти с церковной иерархией. Иерархия по требованию власти воспринимала это как запрет. А сегодня все забыли, что это требование власти, и считают, что это требование церкви...»

«...создать существующее ныне между ними средостение, оказался важным для всех. Остается надеяться, что подобные встречи продолжатся с участием одного из участников разговора.»

литургическую практику. Например, введет русский язык в богослужение или даже сократит ектенью об оглашенных. Смысла произносить эту ектенью совершенно нет, если оглашенных в храме нет, но у нас ее произносят, следуя традиции.

Может быть, чтобы всем напомнить, что это плохо, что в храме нет оглашенных, что в церковь не приходят новые люди?

Отец Александр Шмеман говорил, что у нас, когда практическая составляющая свое отжила, для этой ектеньи просто-напросто придумали «духовное» толкование: что, мол, мы все по своим грехам являемся оглашенными.

И что тогда происходит на возгласе: «Оглашенные, изыдите!»?

Да, это вопрос... Конечно с точки зрения литургики большинство прихожан проявляют полное бескультурье и неграмотность.

Как Вам кажется, если об этом разговаривать вот так открыто, как на нашей фестивальной площадке, причем в «смешанном составе», когда в разговоре участвуют и священнослужители, и миряне, – может это сдвинуть ситуацию?

Конечно, будут какие-то подвижки. И сейчас, в годы патриаршества Святейшего патриарха Кирилла, у нас, по крайней мере, есть надежда, что возрождение литургической жизни церкви станет реальностью. И такие площадки для диалога есть, и многие священнослужители принимают в этом разговоре участие, даже некоторая часть епископата это движение поддерживает. Но, к сожалению, большая часть по-прежнему выступает против каких бы то ни было изменений, и поэтому многим – и священникам, и архиереям – приходится скрывать свою точку зрения по этому вопросу.

И это при том, что все проблемы, о которых мы говорим, поднимались еще на Поместном соборе Русской церкви 1917–1918 годов... Все эти вопросы, все решения были потом благополучно забыты. А те, кто так или иначе пытался их поднять, обвинялись в обновленчестве, потому что именно лидеры обновленческого раскола стали спекулировать на понимании необходимости реформ, в частности, литургических. Для них это был лишь антураж, который они использовали...

Все ведущие обновленцы, кроме Антонина (Грановского), очень быстро отказались именно от литургических реформ, оставили из новшеств, кажется, только женатый епископат.

Там было разнообразие мнений – например, Владимир Красницкий был всегда категорически против литургических реформ.

Но мне хотелось бы вернуться к созидательной части предания, к Поместному собору. Собор предлагал ввести три редакции Устава: для приходского храма, для домового храма и для монастырей. Сейчас Типикон, по которому мы служим, все нарушают, даже самые строгие монастыри, потому что служить строго по Типикону невозможно. Проводился опыт, всем хорошо известный, – когда в Киевской духовной академии попробовали отслужить венощное бдение уставным образом. И оно действительно длилось всю ночь. Можно предположить, что если бы решили отслужить суточный круг богослужения строго по Уставу, он длился бы более суток!

На самом деле Типикон лишь устанавливает какие-то рамки, регулирует границы, и мы не должны следовать ему жестко. И сам Типикон давно изжил себя. Например, греческие церкви уже давно служат по Типикону Виолакиса, который написан в XIX веке. Он включает устав для монастыря, где они следуют Типикону Иерусалимской церкви, по которому мы служим, а в приходских церквях служат по Типико-

ну Виолакиса для приходского храма – и нет такого диссонанса между тем, как оно должно быть, и как происходит на практике. По сути дела, нужно просто принять новый Типикон, но у нас в сознании он незыблем, это такая святыня, которую мы должны оберегать и ничего изменять нельзя, ни одной буквы. Но ведь богослужебные проблемы должны решаться! Может быть, стоит для этого перевести на русский язык Типикон Виолакиса, может быть, по примеру Собора 1917 года, создать три разных редакции Устава. Нужно создать какую-то уставную книгу, по которой действительно будет совершаться богослужение – с этого начнется устранение проблемы, потому что, скажем, существует уже масса переводов богослужения на русский язык, и многие священнослужители пользуются какими-то из этих переводов. Есть переводы о. Георгия Кочеткова, митрополита Ионафана и много других. Есть также и дореволюционные переводы.

Проблем в церковной жизни множество. Скажем, к давней проблеме непонятности богослужения для молящихся добавляется и то, что человек, проходящий в храм и не понимающий, что происходит, не может при этом купить ни молитвослова на русском языке, ни пояснения к текстам литургии! Сейчас эта проблема начинает потихоньку решаться. В этом году в Московской епархии, я знаю, раздавали текст Божественной литургии с чинопоследованием и параллельным переводом на русский язык. Это должно, конечно, осуществляться повсеместно, во всех епархиях. Радуется, что во многих храмах и епархиях бывают миссионерские литургии, когда богослужение совершается полностью на русском языке, что тоже имеет очень важное значение и для подрастающего поколения, и для людей, которые только приходят в церковь. Так что наша конференция дает нам надежду на то, что литургическое возрождение станет реальностью.

Вопросы перевода богослужения на современный язык

Известный литургист архимандрит Ефрем (Лэш) размышляет о том, зачем нужен перевод богослужения. Видеозапись интервью опубликована на портале «Богослов» в июне этого года

Начало на с. 1

По-моему, в то время их меньше волновало само использование местного наречия, хотя и у них были свои трудности. Но дело в том, что у нас некоторые люди очень привязаны к тому, что называется оригиналом, а на деле это совсем не всегда оригинал. Люди приходят в храм часто как на своего рода представление. Они приходят и сидят там, и знают, что там происходит, но все это находится под большим влиянием более позднего толкования евхаристической литургии как своего рода пьесы о жизни Иисуса Христа. Порой я спрашиваю людей: «А где Распятые?» – поскольку у нас есть объяснение входа с Евангелием как Иисуса, идущего на проповедь, затем у нас есть вход с Дарами, который представляет собой погребение Христа, затем у нас идет Воскресение. А где Распятые? И так, по-моему, есть настоятельная необходимость спрашивать себя, что, собственно, мы делаем, приходя на литургию. Мой брат, тоже богослов, говорит, что Евхаристия – это изучение Библии, за которым следует трапеза. Таково строение службы. И мы позволили этому строению исчезнуть. Думаю, это происходит не только в диаспоре, но также и в России, и в Греции, во всех православных странах. В настоящее время, хотя я и нахожусь в очень преклонном возрасте, но я все же окормляю небольшой приход в Лондоне, который по разным причинам в основном состоит из старушек. Это старушечки-киприотки, они замечательны. И я говорю им: «Вы слышите все это уже на протяжении 60–70 лет, вы знаете это наизусть, ну так присоединяйтесь!» И им это нравится. Ведь случается, что певчим не нравится, если народ пытается как-то участвовать, им не нравится, когда народ присоединяется к их концерту. Если богослужение превращается в концерт, где духовенство – актеры, а хор состоит из певцов, – то это не имеет никакого отношения к Евхаристии. Я думаю, это совершенно неправильное представление о том, что такое Евхаристия.

Богослов.ру

Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/2588229.html>

В Молдавии состоялась канонизация митрополита Кишиневского и Хотинского Гавриила (Бэнулеску-Бодони)

В период его правления была проведена справа молдавских богослужебных книг и основано бессарабское отделение Российского библейского общества, которое издало исправленный текст Библии на молдавском языке

3 сентября митрополит Кишиневский и всея Молдовы Владимир совершил Божественную литургию в Каприянском Успенском мужском монастыре. За богослужением, согласно решению Священного синода Русской православной церкви, состоялось прославление в лике местночтимых святых митрополита Кишиневского и Хотинского Гавриила (Бэнулеску-Бодони; †1821). Память святителю Гавриилу, митрополиту Кишиневскому и Хотинскому, Синод постановил совершать 30 марта (12 апреля), в день его преставления ко Господу.

Митрополиту Владимиру сослужил сонм архиереев и духовенства из Молдавии, России и Украины, сообщает сайт Православной церкви Молдовы.

Вместе с тысячами верующих за Литургией молились представители правительства Республики Молдовы. Прямую трансляцию праздничного богослужения вели десятки телевизионных каналов Молдавии.

В ходе Божественной литургии была совершена последняя панихида перед мощами митрополита Гавриила, после чего был торжественно зачитан Томос о канонизации и краткое житие прославаемого святого.

Митрополит Гавриил (Бэнулеску-Бодони) родился в 1746 году в городе Бистрице в Трансильвании, которая в то время входила в Австро-Венгерскую империю. Григорий Бэнулеску-Бодони учился в Семиградской учительской семинарии, затем в духовных школах Греции. В 1779 году он был пострижен в монашество с именем Гавриил. В 1781 году рукоположен Молдавским митрополитом Гавриилом (Каллимаки) во диакона, затем во иерея, служил в Ясской митрополии. В 1782 году по приглашению архиепископа Славянского и Херсонского Никифора переехал в Полтаву, был преподавателем, затем инспектором в Славянской духовной семинарии. Затем по причине болезни пребывал в Яссах. В 1788 году стал ректором Екатеринославской духовной семинарии.

В 1791 году архимандрит Гавриил был рукоположен во епископа Бендерского и Белоградского. В 1792 году был возведен в сан митрополита и назначен экзархом Молдавии, Валахии и Бессарабии. В том же году митрополит Гавриил был арестован по приказу

турецкого султана и за верность Русской церкви претерпел заключение, из которого был освобожден лишь по требованию русского посла. В 1799 году он был назначен митрополитом Киевским, затем – членом Святейшего синода. В 1803 году по собственному прошению был почислен на покой, однако в 1808 году вновь вступил в должность экзарха Молдавии, Валахии и Бессарабии. После 1812 года митрополит Гавриил избрал местом своего пребывания город Кишинев. В 1813 году была образована Кишиневская и Хотинская епархия, архиереем которой был назначен митрополит Гавриил.

Митрополит Гавриил активно трудился над развитием церковной жизни в Молдавии. По его инициативе открылась Кишиневская духовная семинария, были восстановлены и построены около 200 храмов, основана экзаршарская типография, сыгравшая большую роль в распространении церковной литературы, в том числе на молдавском языке. Митрополит Гавриил поддерживал введение в молдавских монастырях общежития, ориентируясь на опыт преподобного Паисия (Величковского), с которым был лично знаком. В период правления митрополита Гавриила была проведена справа молдавских богослужебных книг и основано бессарабское отделение Российского библейского общества, которое издало исправленный текст Библии на молдавском языке.

Скончался митрополит Гавриил 30 марта 1821 года в возрасте 75 лет. Погребен при большом стечении народа в Каприянском Успенском монастыре. Память о митрополите Гаврииле окружена почитанием верующих. К месту его упокоения стекается множество паломников. Имеются свидетельства об исцелениях по его молитвам.